

Первый престиж дежурного

Октавия Дженнаро

Одним из ключевых неумений Октавии было прорывающееся порой злостное неумение держать язык за зубами. Причём, как правило, срабатывало это неумение в тот момент, когда могло принести итальянке максимальные неприятности и трудности. Брякнуть, что дежурства - это следы рабовладельческого строя, а ученики как раз временно играют роль рабов и тем самым приятно тешат глаза и души мастеров? Да запросто. Ляпнуть это как раз тогда, когда мимо идёт мастер и все слышит? Легче лёгкого. Угодить на того мастера, который чувства юмора не имеет, снисхождения не проявит и отнесется к этому заявлению максимально серьёзно? Да вообще не вопрос.

Вот именно так Октавия и угодила на отработки, вляпавшись как раз в такую, считай, гиперболизированную, казалось бы, до абсурда доведенную ситуацию. Оказалось, оно живое и существует. И на длинном лице мастера, при котором Октавии вздумалось распустить язык, прямо-таки огромными буквами было написано, что значение слов "чувство юмора" и "это шутка была" он в принципе не понимает и ничего общего с ними по жизни не имеет. Дженнаро вяло побрыкалась - но не чересчур активно, чтобы это не сочли за бунт и не сгноили итальянку вообще в ноль на общественных работах, - и послушно отправилась на отработки, которые ей вроде как в качестве скидки на первый раз милостиво назначили не слишком сложные.

Всунув нос в библиотеку, Дженнаро первым делом громко поздоровалась и прислушалась. Проявило вежливость и ответило одно только эхо - а ведь по идее, кто-то ещё должен был подойти сюда трудиться. Пожав плечами, Октавия прошла внутрь, подошла к одному из столов, на котором были разложены забытые учениками книги, и вяло их поворошила. Теория гласила, что эти книги надо было все собрать и расставить по своим местам. Практика же огрызалась, что чёрт их знает, где у всей этой макулатуры свои места.

Матвей Болотов

Как любой курильщик, не планирующий от вредной привычки отказываться в ближайшие лет десять — при условии, что вообще столько проживет, конечно, — Матвей то и дело оказывается в зоне риска быть пойманным, подвергнутым порицанию, публично выпоротым, и тэ дэ, и тэ пэ. В большинстве случаев парню везёт, и Болотов виртуозно уходит с места преступления незамеченным и неучуянным, но периодически дело кончается катастрофой. Такой себе, конечно, местных масштабов, ни разу не галактических, но всё же. Пару раз Матвей просто ловил выговоры, потом перешёл на общественные работы. И время от времени ходит на них до сих пор, так что теперь может в случае чего раздувать щёки, закатывать глаза и, не стесняясь, заявлять, что он в монастыре самый частый и уже самый опытный дежурный. Пускай проверяют как хотят или верят на слово, не проверить же.

Правда, на такую хитровыдуманную работу как сортировка книг, Матвея подписывают впервые. Да ещё и в компании девушки - а у той по лицу с первого же

взгляда понятно, что к славному семейству трудоголиков она не принадлежит, а скорее наоборот, по складу характера ближе к самому Болотову. Вкалывать будет, но без энтузиазма, и от славной роли тягловой лошади будет всячески отказываться.

А когда из двух лошадей в упряжке обе еле идут, то дорога будет долгой.

— Ну привет, — лениво говорит Матвей ещё издали, даже не утруждаясь тем, чтобы подойти поближе к полю работ. И так же издали кивает на стол, у которого возится девушка: — Ча, много там? До вечера управимся чи до утра сидеть придётся?

Октавия Дженнаро

Октавия, когда выяснила, что в напарники ей мастера назначили какого-то невнятного парня босяцкого вида, ухитрилась откровенно не понять прикола и уставилась на молодого человека бараньим взглядом. *Кто это? Что это? Матта mia, неужели это все мне? Вот уж спасибо, и что я с этим буду делать?* Дженнаро дважды оглядела молодого человека с ног до головы и обратно и уверилась в том, что поймавший ее за язык мастер отличается редкой мстительностью. Это же надо было - такого гоблина подсунуть вместо напарника.

- Мне казалось, немного. Но вот смотрю на тебя и думаю: недооценила катастрофу, - невежливо буркнула Октавия. Никаких иллюзий по поводу напарника она не питала: сейчас это тело где-нибудь себя уронит и начнет рассуждать о тяжести дежурств. А делать все придется одной итальянке, ее тонкими и хрупкими женскими руками. Представив себе эту картину в красках, Дженнаро едва не задохнулась от негодования. Первым побуждением было в режиме упреждающего вопля ткнуть свои руки парню под нос и заявить, что эти хрупкие руки в одиночку на себе дежурство не потащат, пусть даже и не мечтает. Октавия в себе переборола этот порыв - и четко, упирая на каждое слово, вместо каждой точки отбивая ладонью хлопок по столу, сказала: - Сюда. Подошел.

Учитывать следовало еще и то, что Дженнаро до сих пор понятия не имела, с какого конца за книги браться и куда и потом переть. И нельзя ли, скажем. просто воткнуть их на ближайшую полку, чтобы они там стояли и колосились?

Матвей Болотов

— Женщина! Негодование и качение бочки на товарищесской несчастью — это не ответ, — встречно заявляет Матвей. В иных обстоятельствах он, может, и рад бы продемонстрировать свое обычное условное дружелюбие, ленивое и вялое — ты меня не трогаешь, я тебя тоже не трогаю, и мы отлично сосуществуем параллельно, — но тут явно не тот случай. Тут девушка пытается с порога тыкать в него чем-то, подозрительно похожим на дикобразовы иглы, уже явно сделав какие-то нелестные выводы. И Матвей, в свою очередь, начинает в ответ сворачиваться в колючий клубок. — Опиши, говорю, проблему. Сколько там: стопка книг? Две? Десять? Вся библиотека под столом свалена? Конкретизируй, с чем мы имеем дело.

Конкретизировать девушка все так же не спешит. Увлечена смакованием того, какое чмо ей досталось в напарники, что ли? Поэтому Матвей, резонно полагая, что и черт с ней, он посмотрит сам, не переломится, подходит к столу и окидывает взглядом прилегающий завал. Беглая оценка показывает, что задача умеренно фиговая: за пять минут от нее не отделаться, но вот за час такой, средне неспешной сортировки

разобраться можно. Поэтому Матвей, даже не потрудившись изобразить на лице энтузиазм и засучить рукава, начинает копать в книгах, пытаясь разделить их на тематические стопки. И авторитетно поясняет девушке: – Ты давай тоже по темам их сортируй. Про флору местную – направо, про фауну – налево, чи как там твоей душеньке угодно. Главное, чтобы книги не смешивались. Джеймса Бонда смотрела? Вот и тут так же, не смешивай. Давай, флаг тебе в руки, будь молодцом.

Октавия Дженнаро

Издалека парень выглядел не внушающим доверия и даже откровенно вялым. Поэтому когда он внезапно встопорщился и принялся ерепениться, Октавия даже немного оторопела. Вот тебе и "тело", да оно активнее некоторых живых и бодрых будет. Если знать, как погладить против шерсти, судя по всему - но теперь итоговый результат итальянке нравился и не нравился одновременно. С одной стороны, классно, сто напарник активизировался и бросился ворошить книги, это жирный плюс и зачёт. Но с другой стороны - рот бы ему тряпкой залепить, да с размаха, потому что слова, которые из себя этот рот исторгал, Октавии категорически не нравились. Вроде и совсем обыкновенные слова, а вот поди ж ты, надо же уметь их так отвратительно произнести. И вполне себе нейтральное слово "женщина" - оно же всего-то обозначает гендер, никакого криминала, - вдруг зазвучало не так далеко от оскорбления. Еще бы "старой синьорой" обозвал. Хамло.

- Завали лицо! - некрасиво обозлилась в ответ Дженнаро. И обиженно пропустила мимо ушей все остальные реплики парня, продолжая возмущённо переживать эту небрежную "женщину". Подключиться к разборке книг Октавия даже не подумала: она оскорбленно скрестила руки на груди и молча принялась наблюдать за тем, как парень перекладывал книжки туда-сюда. Помогать ему она бросится, конечно - ха, вот ещё. Пусть извинится сначала. Или пусть возится один, как ему больше нравится. Продолжая наблюдать за парнем, Октавия высокомерно заметила: - Копаешься, как курица в кормушке, - но всё так же не сделала ни одного движения, чтобы помочь.

Матвей Болотов

Девушка не делает ни единой попытки приобщиться к уборке. Даже не шевелится, только всё нависает над Матвеем памятником немой укоризне. Вот разве что критические замечания отпускает – но на помощь это не тянет, скорее уж похоже на попытки толкнуть под руку. Матвей и ухом не ведёт: он из тех людей, которых в любой момент можно начать критиковать отсюда и до завтрашнего утра, находя всё новые и новые поводы, а значит, шкура у него толстая, к разного рода шпилькам привычная.

– Копаюсь, – охотно соглашается он, даже не пытаясь оспаривать. В принципе, из этой позиции уже удобно падать на спину, манипулятивно демонстрировать беззащитное пузо и заявлять что-нибудь в духе "у меня лапки", "поэтому меня одного сюда и не пустили", "покажи как надо, научи славным примером", но Матвей не спешит прибегать ко всему этому богатству. Пузо у него откровенно не мягкое и не пушистое, сочувствия не вызывающее. Да и в принципе, он по биологическому виду скорее помесь осла с дикобразом, так что это всё совершенно не его тактика. – Зато потихоньку двигаюсь к концу дежурства, так за шагом и освобожусь. В отличие от тебя. Ты, вон, пока вообще никуда не движешься. – Девушку эта мотивирующая речь, похоже, совсем не прониимает. Мгновение Матвей глядит с любопытством,

потом незамедлительно падает на другой бок и меняет тактику. — Хотя нет, пожалуй, всё-таки движешься. В сторону дополнительных дежурств. Мать, вообще-то ты напрасно стоишь тут в позе демонстративного ничегонеделания. Хоть изобрази, что ли, что бурно трудишься на благо монастыря. А то, не ровен час, сюда заглянет сифу Флетчер, проверить, как маленькие нарушители растут над собой и превращаются в приличных людей. Мужик он душевный, сантиментами не обезображенный. Увидит, как красиво и бесцельно ты тут стоишь, и впаяет ещё неделю дежурств разной степени непотребства. Оно тебе надо? Я бы на твоём месте добровольно такую подлянку не подбирал. Дежурств тебе и без этого запросто напихают, если уж на то пошло.

Октавия Дженнаро

Вообще-то Октавия так и планировала - никуда не двигаться, считая, что уж кто-кто, а она точно никаких дежурств не заслужила. Добро б ещё по графику до нее очередь дошла или ее действительно застукали за тем, что она грабила-убивала-рубила-гусей, тогда и отработки были бы по делу, и вопросов бы не было. А так - ну что она сделала-то? Хрень лягнула? Так ученики постоянно нечто подобное нет-нет да и брякнут, только успевай за ними записывать, так никаких дежурств не напасешься. Поэтому виноватой себя Октавия в упор не считала и трудиться на благо монастыря не порывалась вообще.

Ну, пока напарник не заявил, что может нагрнуть мастер и выписать ей еще некоторое количество дежурств за ничегонеделание. Имя "сифу Флетчер" у Октавии пока ни с каким персонажем твердо не ассоциировалось - но стоило ей представить, что это тот самый мастер с длинным лошадиным лицом, который и на это дежурство ее загнал, - и Дженнаро мысленно взвыла, а обрисованная парнем перспектива немедленно перестала казаться такой уж нереалистичной. С *этого* мастера, пожалуй, стало бы. Октавия подавила порыв ухватиться за книги немедленно - иначе она будет выглядеть так, будто напарник ее напугал, а это же сплошь вранье, ничего она не напугана, - выдержала драматическую паузу почти по Джулии Ламберт и только после этого неспешно протянула руки к книгам.

- Ладно. Так и быть, помогу тебе, - великодушно сказала она, всем своим видом показывая, что снисходит до напарника. - Хотя ты, конечно, делаешь все, чтобы мне этого максимально не хотелось. И как тебе только удастся такое лягнуть? - У некоторых даже с максимально отвратительными словами не получается обидеть, а тут - парень простейшие слова использовал, не грубые ни в одном месте, а звучали они у него почему-то как те еще ругательства. Вундеркинд, не иначе.

Матвей Болотов

Стоит признать: играла белокурая до белесости напарница отменно. Вполне можно было поверить, что она эдаким царственным невозмутимым ледоколом шествует по этому дежурству — почти как Шарлиз Терон местного разлива, — и ничего-то в этой жизни не боится, и только из огромной милости своей хоть немного приходит недостойному на помощь. Даже жаль, что ее великолепный актерский этюд разбивается об одно крохотное "но": как типичный неделикатный хряк, Матвей без стеснения подглядывает в ее ауру. И потому видит, как меняются цвета, как подавленная злость тускнеет, а по ауре тревожными волнами пробегают пятна страха. Мысленно Матвей рисует себе галочку на фюзеляж: ай да молодец, ай да

гаджет, напугал девушку. Марку держит, как всегда, неприятный гоблин.

— В первую очередь разбирай по темам, — флегматично напоминает Матвей. И тычет пальцем в уже наметившиеся у него стопки: — Сюда по истории, сюда — про биологию всякую. Если еще какие-то темы найдешь, складывай отдельно. И будешь большой умницей, и земля монастырская тебя не забудет.

Но едва Матвей успевает подумать о том, что это, может быть, и сойдет за рабочую тактику, что ему стоит девушку периодически похваливать, чтобы она активнее руками работала, как ему немедленно прилетает претензия: и разговаривает-то он, оказывается, неправильно, и вообще ведет себя не так.

Ну, в целом, все еще ничего нового.

— А ча я такого сказал? Мать, я был кроток, как канарейка! — показательно негодует Матвей. Он, конечно, далеко не ангел, но конкретно в этом раз даже ничего особо непотребного как будто выдать не успел. Ну и в любом случае, нельзя же безропотно соглашаться с тем, что он разговаривает как-то не так. Надо учинять скандал и отстаивать себя, без страха, упрека и трепета. Благо, Матвею это и не в первый раз, он знает, как, фигурально выражаясь, нырять в окоп и отстреливаться оттуда.

Октавия Дженнаро

Вообще-то Октавия согласилась "помочь", а не "наяривать на дежурстве из всех сил". Тем более, что она успокоилась, как только поняла, что при качественной симуляции усердного труда ей ничего больше не грозит. Так что инструкции, которые напарник ей раздавал, были глубоко избыточны. Она могла хоть до завтрашнего утра лениво ковыряться в ворохе книг и свитков, постепенно выуживая из них те, которые имеют отношения к одной только истории, она бы это развлечение надолго растянула. И знание о том, что делать с книгами на другую тематику, ей бы не пригодилось совершенно. Поэтому напарник, конечно, был молодцом, что пытался все это до нее донести, но, на взгляд Октавии, напрасно он так усердствовал.

С другой стороны, он, кажется, в принципе избыточно болтал, не останавливаясь. Октавия метнула в него суровый взгляд, когда он заявил, что ничего, мол, такого не говорил, — а дальше он и вовсе выдал перл, от которого у Октавии брови метнулись к линии волос, а глаза машинально выпучились из орбит и, в общем, от такого сравнения оставалось преимущественно стоять и обтекать.

- Хороша канарейка, — только и сказала Дженнаро, удивлённо разглядывая парня. Да он уж скорее был похож на какую-нибудь летучую мышь, причём девушка подозревала, что, может статься, он и по манере пить кровь недалеко ушёл. Какая уж тут "канарейка". Разве что хромающая на всевозможные бракованные запчасти. Канарейка курильщика какая-то. — И песни ей под стать. Как ты умудряешься? — Начав говорить, она понемногу снова разговорилась и вот уже была готова бросаться в спор с наскока. — Чего ты меня "матерью" гоняешь? Обычно же слово, как у тебя только получается им ругаться?

Матвей Болотов

— Уж какая есть, — невозмутимо говорит Матвей, не собираясь выворачиваться мехом наружу и доказывать свою образцовую канареечность. Надо будет — девушка сама сравнит его с какой-нибудь фоткой в энциклопедии и сделает выводы, а если

ей не надо будет, то Матвею тем более никакими доказательствами трясти не сдалось. Ему же не в рамках этот статус вставлять и не экзамен на него сдавать. Да и вообще: он брякнул и дальше пошел, и что там с этими брякнутыми словами будет, его уже не касается. Пользуйтесь как хотите.

Тем более – вон, девушка и пользуется. Не то чтобы Матвея трогало ее мнение относительно его, как она выражается, "песен", но когда на него начинают катить бочку, он полагает своим святым долгом в ответ полезть в бутылку. Мало ли чего еще интересное ему расскажут. И про него самого, и про окружающие миры, и про всякое другое разное.

В обращения, которые у него соскакивают с языка, Матвей обычно не вдумывается и большого смысла в них не вкладывает. Ему, конечно, хватает мозгов понять, что не стоит всё это великолепие вываливать перед мастерами, а особенно перед кем-нибудь вроде Бо-джи, но в остальном – обращение, ну, оно и есть обращение, чего с него взять-то. Просто восклицание слегка повышенной громкости, так, чисто обозначить, что неплохо бы с этого места начинать слушать, потому что дальше в ворохе слов может попасться что-то важное. Единственное, в чем Матвей уверен твердо – что ничего такого уж неприличного он в эти моменты не вякает. А вот поди ж ты, у мадемуазель претензии.

– А чем тебя можно гонять? – с живым любопытством интересуется Матвей. Мало ли, вдруг девушка легко и непринужденно расширит ему словарный запас. – Ты скажи, я учту. Правда, не обещаю, что новым словом ругаться не начну. Интонации у меня такие, ругательные. Все претензии прошу отсылать производителю, это его заводская комплектация.

Октавия Дженнаро

Нет, он, конечно, бессовестно врал. Ни на какую канарейку он и близко не был похож, ни с какого боку. Скорее уж на... тут Октавия задумалась, пытаюсь подобрать для парня другое сравнение. Похож на вредную птицу, нахохленную и лохматую, болтливую, но не крикливую. В голову настойчиво лезло что-то про ворону, но ворона здесь никак не подходила. Во-первых, вороны орут как оглашенные, а во-вторых, ворона и нокаутировать может или, по меньшей мере, как следует наподдать зазевавшемуся. Этот же парень выглядел для такого чересчур тощим и физической угрозы как будто не представлял вообще. Ещё некоторое время Октавия маялась, пытаюсь всё-таки дожать аналогию и подобрать птичье сравнение, потом плюнула и бросила. Тем более что тут уже всплывали вопросы поважнее.

- Да что ж тебе все нейдет кого-нибудь чем-нибудь гонять! - возопила Октавия. И довод про заводскую комплектацию пропустила мимо ушей - неа, фигушки, заводской комплектацией тоже можно по-разному пользоваться, и нечего на нее все валить. Ясное же дело, что на самом деле все беды идут от дурной башки, а не от каких-то мифических встроенных "ругательных интонаций". - Меня нельзя! Я за такое кусаюсь! И лягаюсь!

Понятное дело, что про книги к этому моменту Октавия начисто позабыла. Какая в эти моменты могла быть сортировка книг, что бы, тут спор шел куда важнее. Острым ногтем Октавия ткнула парня в грудь и с неподдельным интересом поинтересовалась: - Тебя-то самого чем, как ты выражаешься, "гонять" можно? - Не, ну а что, лучшая защита - это нападение, и вообще, пусть сперва сам доложит, какими ругательными выражениями его крыть можно, а потом уже от девушки того

же требует. Даже если девушка перед ним прекрасная, нежная и трепетная лишь весьма условно.

Матвей Болотов

То ли девушка ищет любой повод, чтобы бросить предмет дежурства, то ли искренне забывает про него, увлекаясь спором, – как бы там ни было, а все одно, книги по итоге остаются на шее у Матвея. Благо, Матвей настроен спокойно, почти философски, архитяжелой (или вообще хоть сколько-нибудь тяжелой) работу по сортировке книг не считает, терпение запас в лошадиных дозах и готов хоть до следующей недели ловить дзен над книгами и дышать библиотечной пылью, периодически мешая ее с табаком. Ему-то вообще что. У него ничего не горит, спешить ему никуда не надо.

– Люблю девушек с активной жизненной позицией. Особенно когда они не демонстрируют ее мне по ребрам, так вообще восхищаюсь, – говорит Матвей и на всякий случай отодвигается. Потому что девушка берется живописать, как лихо она кусается и лягается, и Матвею нисколечко не интересно испытывать все это на себе. – Ладно. Не буду гонять, раз ты так настаиваешь. Твою аргументацию я понял. Ты за неподобающее обращение караешь, причем жестко. Я уяснил.

После таких-то перфомансов от его нынешней напарницы Матвей наверняка выглядит душкой и няшкой, когда миролюбиво заявляет:– А я что? Меня хоть матросом назови, только купаться не заставляй. Гоняй меня чем твоей душе угодно, хоть кочергой, мне-то что, – с этой точки зрения, шкура на Матвее очень толстая. Бронешкура практически. Словами Матвея гонять можно как угодно, его и до Линь Ян Шо крыли на разные лады, и в самом монастыре тоже отдельные люди порой продолжают так делать, и все это парня давно уже не трогает. По шее не бьют, да и ладно. С этой фундаментальной мыслью Матвей сгребает первую стопку отсортированных книг и тянет их к стеллажам, расставлять по полкам и наводить порядок.

Октавия Дженнаро

Чем дольше шел нелепый спор, тем вернее Октавия переходила от праведного негодования к горячему любопытству. Парень, поначалу показавшийся ей классическим крикливым склочником, по итогу являл собой нечто более сложности. Помимо манеры выражаться так, что уши резало, и очевидного умения сцепиться языками на ровном месте, была в нем, как выяснялось, ещё немалая доля здорового пофигизма. Ну, в понимании Октавии, именно это позволяло ему благим матом не вопить, до талого не доспаривать и к рукоприкладству не переходить, а с лентой держать спор в таком, не особо клокощем русле. Октавия заинтересовалась. Ей казалось, с кем другим дело бы уже кончилось дракой, а тут вон чего вырисовывалось. И потому, когда её напарник сгрёб в охапку книги и отошел от стола, Дженнаро любопытным хвостом потянулась за ним: тоже цапнула со стола какую-то стопку книг, чтобы с пустыми руками не бегать, и заспешила следом.

Хотя вообще-то, все логично, чуть запоздало подумала она. Ему в драку лезть и не выгодно, ему же самому первому по шее надают до полного изумления.

- Ладно. А как тебя зовут? Меня вот Октавия, а тебя? - пошла на уступки Дженнаро. Можно было, конечно, наспех придумать напарнику какую-нибудь кличку (а потом

успешно ее забыть, ага), но, как парень сам выражался, "гонять" его по какой попало кличке или вообще по "эй, ты" было банально неудобно. Должно же у него быть какое-нибудь нормальное, удобоваримое имя. Проследив за тем, как он растыкивал книги по полкам, Октавия продемонстрировала ему свою стопку и спросила: - А это куда? - Получалось, она понемногу все-таки втягивалась в уборку. Ладно, ничего. Парочка книг ей хребта не переломит.

Матвей Болотов

Когда девушка вдруг по доброй воле вцепляется в книги и начинает тоже таскать их к полкам, Матвей только и может, что в изумлении повести бровями. Интересные дела. Вот наверняка, если бы он девушку страдал и бил палкой, требуя выполнять обязанности, он бы не добился от нее ничего, кроме, может быть, встречных пинков. Есть у этой синьорины порой проскальзывающее очень характерное выражение лица, показывающее, что по видовой принадлежности она не так далеко ушла от тех самых упрямых ослов, к которым сам Матвей принадлежит. И можно смело отмерить по себе: если на нее давить, так есть риск, что она упрется рогом в ответ, и на том полезное взаимодействие и кончится.

А тут – ишь, сама пошла. Чудо новогоднее, не иначе.

– В паспорте Матвеем записали, на то и отзываюсь, – сообщает парень. Вот и познакомились – приятный прогресс. Октавия, значит. Имя-то прямо царское какое-то, богемные замашки к нему очень идут. Знал бы заранее – сразу оценил бы картинку в полной мере, а теперь приходится задним числом, так уже совсем не то впечатление.

– Эти? А ча там у тебя? – интересуется Матвей и вытягивает голову, как страус, пытаясь разглядеть названия на корешках. Общую направленность книг ему распознать удастся, а вот вспомнить, где именно такие книги гнездятся – нет, и Матвей неопределённо мотает башкой: – Там дальше стеллаж. Посмотри по названиям, куда эта пачка нормально встанет. Ты ж умненькая, благоразумненькая? Ты осилишь? – Он, честно говоря, не уверен, что Октавия не взбунтуется вот прямо сейчас и не решит, что она свою норму выполнила.

Ну, даже если и так – ладно, он сам за ней потаскает, не переломится.

Октавия Дженнаро

Вот почему нельзя взять и просто ответить на такой же простой вопрос "как тебя зовут"? Почему нужно пришивать к нему какую-то витиеватую формулировку, чтобы непривычное слуху имя вернее в ней потерялось? Что за дурацкая манера такая?

- Как-как? Маттео? - недослышала Октавия. И поняла как поняла, и запомнила как запомнила, и даже с поправками дальше уже не переобулась бы. Она все, имя закрепила, не путайте и не сбивайте. Даже удивительно, что она только сейчас скруглила непривычное имя на знакомый итальянский манер, а не пошла пользоваться этим приемом раньше, адаптируя все встречающиеся ей странные имена так, чтобы запоминались легче. С другой стороны - раньше ей встречались все больше мастера, они такой финт ушами могли посчитать за неуважение и те самые не в меру финтящие уши оторвать к такой-то матери. Маттео же явно был из тех людей, с которыми прокатят. Которые ничего оскорбительного не увидят и ни единым мускулом не дрогнут в ответ на подобное мягкое переименование имени.

- Какая я? Умненькая? Да еще и благоразумненькая? - живо заинтересовалась

итальянка. Раньше никто ее подобными словами называть не рвался - потому что, откровенно говоря, ни умненькой, ни благоразумненькой Октавия и не была. Умеренной раздолбайкой она была, только и всего. Но Маттео, не моргнув глазом, навесил ей комплиментов так щедро и вместе с тем небрежно, что как-то сразу захотелось соответствовать. Слегка расправив плечи, Октавия кивнула: - Думаю, осилю, - и нырнула за стеллажи, разбираться.

Времени это заняло порядочно: с непривычки Дженнаро копалась долго, медленно сравнивала названия на книжках с названиями на полках, не все иероглифы разбирала с первого раза, местами подтуплиwała, соображая, попадает ли название в общую тему или нет. Но мало-помалу она со всем разобралась и выползла из-за стеллажа с торжествующим воплем: - Да имела я в виду эти ваши книжки! Ничего там нет сложного, давай сюда, чего там еще осталось, щас я разберусь.

Матвей Болотов

К тому, как Октавия лихо перевирает его имя, Матвей относится философски, и даже ухом не ведет. Мол, хоть кораллом назови, только языком за туманы цепляться не заставляй. Тем более, если вдуматься, не так уж девушка и "перевирает": ее версия уходит не слишком далеко, опознать свое имя в ее исполнении Матвей все еще может, так что... нормально все. Годится. Можно на этом остановиться, успокоиться и не пытаться сесть Октавии на голову, требуя идеального произношения. И так пойдет.

Банальная присказка из "Буратино" неожиданно оказывает эффект такой смачный, что разом и заклинания офуда, и ментальная магия заметно пошатываются, теряя авторитет в глазах Матвея. Потому что от тех еще поди добейся результата, потратив еще кучу внутренней энергии перед этим. А тут всего два слова, как будто совсем мягких и беззубых – и Октавия снова бросается в дежурство с уже совсем иным энтузиазмом в глазах. Чудеса, да и только.

Пока девушка пыхтит над своей порцией книг, Матвей, не особо напрягаясь, разбирает все остальное, что еще валяется на столе. Он дольше в монастыре, не в первый раз в библиотеке, банально лучше тут все знает, а потому быстрее ориентируется. И потому к моменту, когда Октавия торжественно появляется из-за стеллажей, готовая продолжать доказывать свою умственность и благоразумственность, Матвею уже нечего ей предложить.

– А все. Книжки кончились, – разводит руками Матвей. И, пытаясь как-нибудь сделать так, чтобы героический трудовой порыв Октавии не обесценился – а то, чего доброго, она оскорбится в лучших чувствах и в следующий раз на дежурстве ляжет мертвым грузом на хребет кому-нибудь более ранимому, – заявляет: – Поздравляю с боевым крещением! В следующий раз ты эту библиотеку по отдельным корешкам разматываешь, если понадобится, теперь тебе тут все подвластно. Ну ча, пошли, отметим нашу свободу? Выкурим трубку мира? Чи как ты отмечаешь? – и Матвей решительно топает к выходу, поманив Октавию за собой. Они все, что должны, сделали, поводов задерживаться нет ни единого.
